

Махлаюк А.В.

Воинская сходка, "римская демократия" и акцептация императора

[Stable URL: <http://elar.uniyar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3363>]

[Публикация работы:]

Махлаюк А.В. 2011: Воинская сходка, "римская демократия" и акцептация императора // Народ и демократия в древности: доклады российской научной конференции / В.В. Дементьева (отв. ред.). Ярославль, 223-248.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ
ЯРОСЛАВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT JAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
"THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES"
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

Воинская сходка, «римская демократия» и акцептация императора

Цицерон в качестве трех источников выражения мнения и воли римского народа называл народные сходки, комиции и собрания во время театральных и цирковых зрелищ¹. В современной научной литературе этим элементам политического строя Римской республики уделяется значительное внимание, что во многом связано с развернувшейся после выхода ряда работ Ф. Миллара дискуссией о «римской демократии» и особенностях политической культуры Древнего Рима, дискуссии, которая, помимо всего прочего, выявила недостаточность «конституционалистского», формального государственно-правового подхода для понимания исторического своеобразия римской государственности². Исследователи политической природы Принципата также все больше обращаются к пристальному рассмотрению тех специфических социополитических практик и идеологических факторов, которыми определялось функционирование этого государственно-политического устройства.

Рассмотрение Принципата в рамках дискуссии о «римской демократии» может показаться не совсем уместным, учитывая, что созданный Августом государственно-политический порядок, как в глазах античных авторов³, так и современных исследователей предстает отнюдь не «восстановленной республикой», но единовластием, монархией, пусть и весьма своеобразной. Не следует, однако, упускать из

¹ Cic. Pro Sest. 106: Etenim tribus locis significari maxime de <re publica> populi Romani iudicium ac voluntas potest, contione, comitiis, ludorum gladiatorumque consessu. В числе наиболее важных работ последнего времени, посвященных этим элементам, можно указать: Pina Polo F. *Contra Arma Verbis: Der Redner vor dem Volk in der später römischen Republik* / Trans. E. Liess. Stuttgart, 1996; Yakobson A. *Elections and Electioneering in Rome: A Study in the Political System of the Late Republic*. Stuttgart, 1999; Morstein-Marx R. *Mass Oratory and Political Power in the Late Roman Republic*. Cambridge, 2004. См. также: O'Neil P. *A Culture of Sociability: Popular Speech in Ancient Rome*. PhD Diss. University of Southern California, 2001.

² Обзор дискуссий: Hölkesskamp K.-J. *Rekonstruktionen eine Republik. Die politische Kultur des antiken Rom und die Forschung der letzten Jahrzehnte*. München, 2004; Дементьева В.В. «Харизматическое господство»: концепция Макса Вебера в современной романистике // *Tabularium. Труды по антиковедению и медиевистике*. Т. 2. М., 2004. С. 101-118; она же. Современное антиковедение: изучение римской политической культуры // *Античная история и классическая археология*. М., 2006. С. 50-63; Смышляев А.Л. Народ, власть, закон в позднереспубликанском Риме (По поводу концепции Ф. Миллара) // *Вестник древней истории* (в дальнейшем – ВДИ). 2003. № 3. С. 43-57.

³ Об отношении современников к проблеме свободы и демократии в эпоху Принципата см. Starr Ch. G. *The Perfect democracy of the Roman Empire* // *The American Historical Review*. 1952. Vol. 58. N 1. P. 1-16.

виду живучесть полисно-республиканских элементов и традиций, существовавших в системе Принципата не просто в качестве неких пережитков, но являвшихся в некоторых случаях системообразующими факторами. Поэтому ключевой проблемой римской истории императорского времени является проблема взаимодействия, взаимоопосредования республикански-полисных традиций и нивелирующих тенденций централизованной сверхдержавы. Противоречивое, подвижное единство этих начал, то, что Г.С. Кнабе метко назвал «республикански-имперской двусмысленностью государственного бытия»⁴, наглядно обнаруживается в самых различных сферах и структурах Римской империи. В эпоху Принципата в целом, говоря словами Клода Николе, «и в праве, и в действительности как фикция и как реальность продолжали существовать слова и институты общины. Настолько, что римское государство, начиная с периода империи, будет всегда оставаться достаточно отличным от монархических, бюрократических и территориальных государств современной Европы»⁵.

Вместе с тем, еще Т. Моммзен, характеризуя сущность Принципата, писал, что в тех возгласах, которыми граждане и воины приветствовали избранника народа как своего императора, находит свое формальное выражение введенная Августом схема провозглашения преемника, и в этом отношении Принципат является продолжением и завершением римской демократии. «Эта всемогущая магистратура покоилась на основе народного суверенитета, суверенитета, который, наверное, мог найти свое выражение как в имперском представительстве, так и в общественном мнении военного лагеря»⁶.

В свое время в статье, открывшей, по сути дела, новое историко-социологическое направление в изучении римской армии, Рамсей МакМаллен, рассмотрев легион как особое сообщество, основанное в значительной мере на внутренних горизонтальных связях, в качестве общего итогового вывода отмечал, что в период Империи политическим центром государства неоднократно оказывался лагерный форум или строевой плац, где преторианские когорты или легионы, используя воинскую сходку – эту древнейшую и столь римскую форму демократии – давали римскому миру новых правителей; и поэтому, за-

⁴ Кнабе Г.С. Метафизика тесноты. Римская империя и проблема отчуждения // ВДИ. 1997. № 3. С. 67.

⁵ Николе К. Римская республика и современные модели государства // ВДИ. 1989. № 3. С. 99.

⁶ Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd. II. 2. Leipzig³, 1887. S. 844: "Insofern ist der römische Prinzipat allerdings die Fortsetzung und die Vollendung der römischen Demokratie. Diese allmächtige Magistratur ruht auf dem Grunde der Volkssouveränität, aber einer Souveränität, die wohl in dem Beschluß der Reichsvertretung ihren Ausdruck finden kann, nicht minder aber in der öffentlichen Meinung des Heereslager".

ключил он, «если легитимность является качеством, выражающим претензию на всеобщее одобрение, даже помимо писанного закона, тогда мы должны признать решения армии и правомочным, и необходимым фактором преемственности императорской власти»⁷. Мак-Маллен, однако, не остановился сколько-нибудь подробно на традициях и механизмах функционирования института *contio militaris*.

Впрочем, в последующие годы появился целый ряд исследований, непосредственно посвященных изучению характера и различных форм участия армии в политической жизни Римской империи, включая и институт воинской сходки. Но в отличие от гражданских сходов и других форм участия столичного плебса в политической жизни Римской империи⁸, *contiones militum* в этом плане изучены в меньшей степени. Здесь можно выделить несколько работ. Это, во-первых, монография испанского историка Ф. Пина Поло⁹. В ней дается подробный анализ порядка созыва и проведения воинских собраний, определяются их типология и важнейшие функции. Исследование строится по хронологическому принципу – от самых ранних времен до эпохи Империи. Однако потестарно-политические функции воинских сходов акцентируются, на наш взгляд, в недостаточной степени. Гораздо более подробно политико-правовые и идеологические аспекты войсковых собраний, которые образуют в своем единстве «идеальные основы» императорской власти, исследованы в книге А. Пабст¹⁰. Автор прослеживает историю воинских сходов начиная с эпохи Ранней республики и до позднеантичного времени и сосредотачивает внимание на «формализованных действиях политических органов», их изменениях и на комплексе тех понятий, которыми оперировали современники, говоря об участии армии в политических событиях. Указывая

⁷ MacMullen R. The Legion as a Society // *Historia*. 1984. Bd. 33. Hf. 4. P. 455–456: “... and during the Principate they [the Roman legionaries] were able gradually to assert their own drill ground and speaker’s hillock as the empire’s political center. Here the most ancient and quintessentially Roman dilution of democracy produced for the Roman world each succeeding emperor in the 70s, and again in the 190s, and more frequently in the third century. <...> If legitimacy is the quality investing a claim that is generally accepted, even above some written law, then we must acknowledge the army’s decisions to be the rightful as well as the necessary determinant of the imperial succession”.

⁸ См. прежде всего классическую работу: Yavetz Z. *Plebs and Princeps*. Oxford, 1969. См. также: Frei-Stolba R. *Untersuchungen zu den Wahlen in der römischen Kaiserzeit*. Zürich, 1967. Из более новых работ: Thompson J. S. *Demonstrative Legitimation der Kaiserherrschaft im Epochenvergleich. Zur politischen Macht des stadtrömischen Volkes*. Stuttgart, 1993.

⁹ Pina Polo F. *Las contiones civiles y militares en Roma*. Zaragoza, 1989. См. также: Pina Polo F. *Procedures and Functions of civil and military contiones* // *Klio*. 1995. Bd. 77. P. 203–216; *idem. Contra Arma Verbis...*

¹⁰ Pabst A. *Comitia imperii: ideelle Grundlagen des römischen Kaisertums*. Darmstadt, 1997.

на зеркальное повторение политических структур Рима в военном лагере¹¹, она подчеркивает, что благодаря институту воинской сходки войско всегда сохраняло качество политического организма, способность к политическому действию, и использование для обозначения войскового собрания в IV в. термина *comitia imperii* выражает идею, что именно народ (*populus*) вручает *imperium* правителю¹². Соглашаясь с основными выводами А. Пабст, отметим, что, на наш взгляд, они могут быть дополнительно аргументированы, если, с одной стороны, обратиться к анализу роли воинских сходок во внутренней жизни армии, чтобы проследить взаимосвязь этой роли с политическими акциями войска, а с другой стороны, более четко артикулировать непосредственную преемственность, сохранение в эпоху Империи традиций, берущих начало во времена Республики. Такой подход, на наш взгляд, позволил бы более основательно рассмотреть Принципат как систему акцептации императора (*Akzeptanz-System*) в русле концепции, предложенной Э. Флайгом¹³. Согласно этой концепции, император обеспечивал свое положение через признание армией (точнее, легионами, которые можно рассматривать как «тотальную организацию» и в то же время особую часть гражданского коллектива¹⁴) и городским плебсом, которое формально утверждалось сенатом. Император не обладал легитимностью в узком правовом смысле слова, поскольку не существовало государственного органа, который мог бы ее обеспечить, и поэтому узурпация императорской власти путем военной аккламации была столь же легитимным и нор-

¹¹ Pabst A. Op. cit. S. 60.

¹² Ibid. S. 185, 189 ff.

¹³ Flaig E. Den Kaiser herausfordern: Die Usurpation im Römischen Reich. Frankfurt; N. Y., 1992.

¹⁴ Ibid. S. 132 ff. Под «тотальной организацией» («тотальным институтом»), если говорить в общем виде, принято понимать сообщество, социально и культурно изолированное от остального социума, основанное на внутренних горизонтальных связях, на специфической системе ценностей и моральном кодексе, которые обеспечивают его особую идентичность в окружающем мире. См.: Shaw B. Soldiers and Society: the Army in Numidia // Opus. 1983. 2. P. 133-159, особенно P. 148; Pollard N. The Roman Army as 'total institution' in the Near East? Dura-Europos as a Case Study // The Roman Army in the East / Ed. D. L. Kennedy. Oxford, 1996. P. 211-227. О применимости понятия «тотальная организация» к императорской армии см.: Haynes I. Introduction: The Roman Army as a Community // The Roman Army as a Community / Ed. by A. Goldsworthy and I. Haynes. Portsmouth, 1999. P. 8-9. Критику взгляда на императорскую армию как на вариант «тотальной организации» см.: Stoll O. *De honore certabant et dignitate*. Truppe und Selbstidentifikation in der Armee der römischen Kaiserzeit // Idem. *Römisches Heere und gesellschaft*. Gesammelte Beiträge 1991-1999. Stuttgart, 2001 (Mavors 13). S. 107 ff., 135-136; Speidel M. A. Das römische Heer als Kulturträger // La politique éditiltaire dans la provinces de l'Empire romain II^em – IV^em siècles après J.-C. Actes de IIe colloque roumano-suisse, Berne, 12-19 septembre 1993 / R. Fred-Stolba, H. Herzog (Hrsg.). Bern, 1995. S. 188-190.

мальным явлением, как и стабильное монархическое правление, и она может рассматриваться как особый тип смены власти. Соответственно претендентам и действующим императорам важно было, в первую очередь, обеспечить лояльность войск, что достигалось различными путями, прежде всего, ритуально-символическими акциями, подчеркивающими «честь», оказываемую правителем легионерам¹⁵. С этой точки зрения воинские *contiones*, подобно собраниям и сходкам граждан в республиканском Риме, представляли собой не столько орган, принимавший реальные политические решения, сколько ритуальную и символическую форму выражения общественного консенсуса¹⁶. Впрочем, на истории и деталях функционирования воинских сходок Флайг не останавливается, что, на наш взгляд, не позволяет в полной мере выяснить степень самостоятельности политических действий армии в эпоху Принципата.

Чтобы правильно понять и оценить роль воинской сходки как специфического политического органа в системе Принципата, представляется необходимым выяснить, ограничивались ли ее полномочия только символическим, ритуальным выражением консенсуса и одобрения политических решений элиты, которая могла манипулировать солдатской массой, или же *contio militum* действительно можно признать своеобразным демократическим элементом, реально действовавшим в эпоху Империи в качестве института, который служил для волеизъявления суверенного *populus Romanus*. Для этого было бы целесообразно, отталкиваясь от высказанных нами в свое время наблюдений¹⁷, более пристально рассмотреть социальные и идеологические функции воинских сходок, модели и мотивацию поведения ее участников, подобно тому, как это сделал в Х. Мауритсен в своем исследовании форм участия римского плебса в политической жизни конца Республики, акцентировав необходимость провести четкую грань между политическим идеалом и «актуальным функционированием системы»¹⁸.

¹⁵ Flaig E. Op. cit. S. 159 ff.

¹⁶ Ibid. S. 196 ff. О гражданских собраниях и сходках: Flaig E. Entscheidung und Konsens. Zu den Feldern der politischen Kommunikation zwischen Adel und Plebs // Demokratie in Rom? Die Rolle des Volkes in der Politik der Römischen Republik / Hg. M. Jehne. Stuttgart, 1995. S. 77-127; *idem*. Ritualisierte Politik. Zeichen, Gesten und Herrschaft im Alten Rom. Göttingen, 2003. S. 155-231.

¹⁷ Махлаюк А.В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006. С. 208-227 (Глава VI «Воинская сходка (contio) в жизни армии и политическом механизме Римской империи»).

¹⁸ Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge, 2004 (first published 2001).

Сначала стоит остановиться на ее внешней организационной стороне и семантически значимой атрибутике, отметив принципиально важные сходства и отличия *contiones* граждан и воинов. Подобно гражданским сходкам, проходившим в Риме, которые созывались уполномоченным на то магистратом или государственным жрецом (имеющим *ius contionandi*¹⁹) с помощью специальных служителей (*praecones*)²⁰, официальный созыв *contio militum* предполагал определенную процедуру, которая в общем-то мало изменялась на протяжении римской истории и в эпоху Империи в целом оставалась такой же, как во времена Республики²¹. Военская сходка созывалась сигналом трубы (*classicum*)²² по приказу военачальника, облеченного империем²³. Этот приказ мог также передаваться ликторами (*Dionys. IX. 8. 4*), которые вместе с другими служителями из свиты военачальника (*apparitores*, *praecones*) обеспечивали порядок и тишину на сходке²⁴, где должны были присутствовать все солдаты, в некоторых случаях не только римские граждане, но и *socii* и peregrini из вспомогательных войск²⁵. Обычно сходка проходила на лагерном форуме, на площади перед преториумом, но иногда могла созываться вне лагеря, на подходящей равнине, либо на учебном плацу (*campus*)²⁶, где также

¹⁹ О *ius contionandi* см.: *Thommen L. Das Volkstribunat der späten römischen Republik. Stuttgart, 1989. P. 171-179.*

²⁰ *Gell. NA. XIII. 16(15). 3: contionem habere est verba facere ad populum sine ulla rogatione; Festus. P. 34L: contio significat conventum non tamen alium quam eum qui a magistratu vel a sacerdote publico per praeconem convocatur. О порядке созыва сходки см. также: Liebenam W. Contio // RE Bd. 4. 1 (1900). Sp. 1149-53; Taylor L. R. Roman Voting Assemblies. Ann Arbor, 1966. P. 15-33; Pina Polo F. Pina Polo F. Las contiones... P. 43-51; idem. Contra Arma Verbis... P. 48-52.*

²¹ *Pina Polo F. Las contiones... P. 219. Cp. Pabst A. Op. cit. S. 56.*

²² *Liv. II. 45. 12-14; V. 47. 7; VII. 7. 14; 32. 1; 36. 9; App. BC. IV. 89; Amm. XXIII. 5. 15; Isid. Etym. XVIII. 4. 5. Примечательно, что и центуриатные комиции созывались в древности сигналом трубы (Varro. LL. VI. 9. 92: classicus; Aul. Gell. NA. XV. 27. 2: per cornicinem).*

²³ В период Республики сходки могли созываться легатами легионов (*Caes. BG. V. 48; BC. I. 76; III. 71; B. Afr. 19. 3*), а в исключительных случаях, связанных с чрезвычайной ситуацией, – военными трибунами (*XXV. 38. 1*), начальниками гарнизонов (*Liv. XXIV. 38. 1*) и даже примипилом (*Liv. VII. 13. 1-2*).

²⁴ *Liv. VIII. 33. 2. Ср. изображения на колоннах Траяна (№ 104) и Марка Аврелия (№ 4, 55).*

²⁵ *Pina Polo F. Las contiones... P. 203.*

²⁶ Равнина вне лагеря: [*Caes.*] *B. Afr. 86; App. BC. II. 50; Herod. VI. 8. 5; VII. 8. 3. Cam-pus: Tac. Ann. XII. 36. 2; HA. Did. Iul. 5. 9; Herod. I. 5. 2; VI. 3. 2; VII. 8. 3; 7. 3. Отон при провозглашении его императором обращался к собравшимся на сходку воинам с вала преторианского лагеря (Tac. Hist. I. 36. 2: pro vallo castrorum). По мнению А. Пабст, во времена Империи именно *campus* становится обычным местом проведения воинской сходки, в отличие от лагеря, где, как правило, устраивались сходки в период Республики (*Pabst A. Op. cit. S. 242. Ann. 112, со ссылкой на Liv. VII. 36. 8 sqq.; XXVIII. 26. 12; Caes. BC. II. 26. 1; ср. S. 290. Ann. 167*). Как видно из приведенных нами ссылок*

находился трибунал (АЕ 1933, 214)²⁷. В определенных случаях самой сходке и выступлению командующего с речью предшествовали жертвоприношения и люстрации²⁸, которые конституировали войско как таковое, и в этом смысле с помощью данных ритуалов воины и их командующий подтверждали свой статус солдат-граждан и магистрата как обладателя права ауспиций²⁹.

Военачальник обращался к воинам³⁰ со специального возвышения – *tribunal* или *suggestus* – который во время сходки окружался орлами, знаменами, штандартами, императорскими изображениями (*imagines*) и статуями богов³¹. Трибунал имел не только практическое, но и важное символическое значение, подчеркивая социальную дистанцию, разделявшую воинскую массу и оратора-военачальника, и как таковой являлся неременным атрибутом воинской сходки³². В походных условиях ораторское возвышение могло сооружаться из дерна или другого подручного материала³³. В некоторых случаях три-

([Caes.] В. Afr. 86; App. BC. II. 50), и в республиканскую эпоху сходка могла проводиться вне лагеря. Поэтому, на наш взгляд, вывод о смене места созыва сходки является слишком категоричным. Скорее всего, выбор места диктовался конкретными обстоятельствами, как то: численностью воинских контингентов, собираемых на сходку, обстановкой (военной или мирной), целями войскового собрания и т. д.

²⁷ Ibid. P. 235. По свидетельству Лактанция, Максимин Дайя (Даза) весной 310 г. был провозглашен Августом на воинской сходке, состоявшейся на Марсовом поле в Риме (De mort. pers. 32. 5: in campo Martio... Augustum se ab exercitu nuncupatum).

²⁸ Выступления императора перед воинской сходкой, люстрации и прочие церемонии как неотъемлемый компонент военных кампаний изображены на рельефах колонн Траяна (№ 8, 32, 38, 57, 78/79) и Марка Аврелия (№ 4, 55, 73, 96, 100). Специальному анализу этих изображений посвящен ряд работ работ: David J.-M. Les *contiones* militaires des colonnes Trajane et Aurélienne: les nécessités de l'adhésion // Autour de la colonne aurélienne. Geste et image sur la colonne de Marc Aurèle à Rome / Ed. par J. Scheid, V. Huet. Turnhout, 2000. P. 213–226; Speidel M.P. Die Schluß-Adlocutio der Trajanssäule // Römische historische Mitteilungen. 1978. Bd. 78. S. 167 ff.; Baumer L.E. Adlocutio, Ikonographie und Programmatik der kaiserlichen Heeresansprachen and der Trajanssäule // Baumer L.E., Hölscher T., Winkler L. Narrative Systematik und politisches Konzept in den Reliefs der Trajanssäule, Drei Fallstudien // J. d. I. Bd. 106. 1991. S. 261–295; Sommer M. Der Kaiser spricht. Die *adlocutio* als Motiv der Kommunikation zwischen Herrscher und Heer von Caligula bis Konstantin // Krieg – Gesellschaft – Institutionen. Beiträge zu einer vergleichenden Kriegsgeschichte / Burkhard Meißner, Oliver Schmitt und Michael Sommer (Hrsg.). B., 2005. S. 335–354.

²⁹ Liv. XXXVIII. 12. 2; XLI. 18. 2; App. BC. IV. 89; Tac. Ann. XV. 26. 2; Herod. I. 5. 2. David J.-M. Op. cit. P. 216.

³⁰ Ливий в одном месте (XLIV. 34. 1) сравнивает речь полководца на воинской сходке с речью перед народом в Риме: *urbanae contioni convenientem orationem*.

³¹ Lucan. Phars. I. 296; Tac. Ann. I. 18. 2; XV. 29. 2; Hist. I. 36. 1; HA. Car. 12. 2; Amm. XV. 8. 4.

³² Е. г., см.: Liv. XXVIII. 26. 12; App. BC. III. 43; Lucan. Phars. V. 316; Tac. Ann. I. 18. 2; Plin. Pan. 56. 6; Amm. XIV. 10. 10; XV. 8. 4; XVII. 13. 25; XXI. 5. 1; 13. 9; XXIII. 5. 15; XXIV. 3. 3.

³³ Tac. Ann. I. 18. 2; Plut. Pomp. 41. 4; HA. Car. 12. 2; Prob. 10. 5.

бунал, где во время сходки вместе с полководцем (императором) могли находиться его высокопоставленные спутники и высшие офицеры³⁴, охранялся специальной стражей³⁵. В качестве символа власти военачальника, наделенного *imperium*, на трибунале для него могло ставиться особое курульное кресло, *sella castrensis*³⁶. Но с речью он, естественно, обращался к сходке стоя³⁷.

Как правило, воины присутствовали на сходке при оружии³⁸ и, если она не была спонтанным собранием по какому-то экстренному поводу, выстраивались по когортам, манипулам и центуриям, выставляя перед строем значки подразделений³⁹; впереди построившихся подразделений стояли командиры (*Caes.* BC. I. 20. 1; *Tac. Hist.* I. 18. 4). Такое расположение участников сходки в соответствии с рангом выражало реципрокность отношений между носителем власти и его подчиненными, их взаимное признание: последние санкционировали власть командующего и в то же время должны были оказывать ему повиновение⁴⁰.

Хотя на *contio* воины в обычных обстоятельствах являлись только слушателями, их роль отнюдь не была пассивной, и они располагали различными способами выражения своего мнения⁴¹. Как правило, для этого служили возгласы или шум – *clamor*⁴², который в зависимости от ситуации выражал весьма разнообразные реакции и эмоции. Это мог быть и боевой клич⁴³ – «голос воли и доблести» (*index*

³⁴ Это хорошо видно и на рельефах колонны Траяна (№ 86 32, 57, 78/79, 103. См. также: *Amm.* XIV. 10. 10; XV. 10. 10; XVII. 13. 25; XXI. 13. 9; XXIII. 5. 15; XXVII. 6. 5. Ср. *Campbell J.B.* The Emperor and the Roman Army: 31 BC – AD 235. Oxford, 1984. P. 74.

³⁵ *App.* BC. IV. 89; *Tac. Hist.* III. 10; *Amm.* XVII. 13. 25; XX. 5. 1; XXVII. 6. 5.

³⁶ *Suet.* Galb. 18. 3; *Tac. Ann.* XV. 29. 2; *Hist.* II. 59. 3; *Dio.* LXVIII. 19. 3 sqq. Траян на колонне изображен сидящим в кресле только в одном случае – по всей видимости, во время проведения военного совета (№ 6).

³⁷ *Amm.* XIV. 10. 10; XV. 8. 4; XVII. 13. 25; XXI. 13. 9; XXIII. 5. 15; XXVII. 6. 5.

³⁸ Без оружия, например, созываются на сходку в лагере Сципиона воины, учинившие мятеж в Сукроне в 206 г. до н.э. (*Liv.* XXVIII. 26. 12; *App.* Iber. 35). Без оружия представлены воины и на одной сцене с изображением сходки на колонне Траяна (№ 57).

³⁹ *Tac. Ann.* I. 34. 3; XV. 29. 2; *Hist.* I. 18. 3; *Lucan.* Phars. I. 386; *Amm.* XVI. 12. 8.

⁴⁰ *David J.-M.* Op. cit. P. 217 suiv., 220, 225.

⁴¹ *Rowe G.* Princes and political Cultures: The New Tiberian Senatorial Decrees. Ann Arbor, 2002. P. 155–156.

⁴² Судя по словам Валерия Максима (I. 6. 11), в обычных условиях воины должны были по древнему обычаю сбегаться на сходку с бодрым криком; если же они сходились в молчании, это свидетельствовало об экстраординарной ситуации (*maesti et taciti milites ad principia convenerunt, qui vetere instituto cum clamore alacri accurrere debebant*). Ср. *Liv.* XVIII. 26. 12; *Tac. Ann.* I. 24. 3.

⁴³ В период Поздней империи в римской армии получает распространение особый боевой клич, либо германского (*Tac. Germ.* 3. 1), либо восточного или африканского происхождения, именуемый *barritus* (*Amm.* XVI. 12. 43; XXI. 13. 15; XXVI. 7. 17;

voluntatis virtutisque), как называет его в одном месте Ливий (III. 62. 4), означавший либо единодушное одобрение речи военачальника, либо боевое воодушевление (ardor) воинов⁴⁴, либо чувство благодарности, радости и восторга⁴⁵. В некоторых случаях, когда слова полководца не соответствовали ожиданиям воинов, ответом оказывалось молчание или глухой ропот солдатской массы⁴⁶. Примечательно, что воины, которым полагалось выслушивать обращенную к ним речь полководца в молчании, иногда, непосредственно реагируя на нее, прерывали ее своими выкриками, выражающими требования⁴⁷, жалобы или угрозы, и даже могли осыпать выступающего оратора грубой бранью⁴⁸. Надо иметь в виду, что такие выкрики из строя (voceferatio), исходившие от отдельных солдат, даже если выкрикивались лишь незначительные жалобы (leves querelae), в римском военно-уголовном праве рассматривались как признаки мятежа, и виновные подлежали достаточно строгому наказанию (Dig. 49. 16. 3. 20; Ex Ruffo leg. mil. 16; 17; ср. Tac. Ann. I. 19. 2). Однако в условиях гражданской войны или солдатских волнений такого рода нарушения дисциплины чаще всего оставались безнаказанными. Обычный же порядок предполагал, что солдаты могут заявить о своих претензиях через избранных представителей или командиров, выступавших перед командующим (или императором) от имени и по поручению войска⁴⁹.

Имеются сведения и о других формах отклика воинов на выступления военных вождей. По свидетельству Аппиана (BC. IV. 3), когда Октавиан после заключения союза с Лепидом и Антонием огласил на

XXXI. 7. 11; Veget. III. 18). О различных версиях происхождения этого термина см.: Mosci Sassi M.G. II "sermo castrensis". Bologna, 1983. P. 117, с литературой по вопросу.

⁴⁴ См., например: Liv. VIII. 32. 1; IX. 13. 1; Caes. BC. II. 31. 1; Cic. Fam. XI. 13. 4; Tac. Hist. V. 16; Herod. II. 10. 9; III. 6. 8; Amm. XV. 8. 9.

⁴⁵ Liv. VII. 37. 2; XXIV. 14. 3 sqq.; App. BC. V. 47; Tac. Hist. II. 80; Amm. XVII. 12. 33; XXIII. 5. 25; XXVII. 6. 10.

⁴⁶ Tac. Ann. I. 34. 4: silentio haec vel murmure modico audita sunt; ср. Lucan. Phars. I. 352–353: non claro murmure volgas... secum incerta fremit; а также Amm. XXVI. 2. 3: obmurmuratio gravis.

⁴⁷ Характерный пример – провозглашение Валентиниана августом, когда собранные на сходку войска, не давая ему произнести приготовленную речь, подняли сильный шум и единодушно потребовали, чтобы немедленно был провозглашен и другой император (Amm. XXVI. 2. 3–4).

⁴⁸ Liv. XXVIII. 26. 12: воины, поднявшие мятеж в Сукроне (206 г. до н.э.) собирались на сходку «с наглым видом, рассчитывая еще припугнуть выкриками» (ad contionem... ferociter in forum ad tribunal imperatoris ut ultro territorii succlamationibus concurrunt). См. также: Tac. Ann. I. 35. 2–3; App. BC. V. 47; Dio. XLII. 52. 1 sqq.; Cic. Att. XVI. 8. 2; XXIV. 3. 3.

⁴⁹ Liv. VII. 12. 14; 13. 3; Caes. BG. I. 41. 1–2; BC. I. 71. 2; Tac. Ann. I. 19. 3–4; 26. 1; 29. 2. См.: Brice L.L. Holding a Wolf by the Ears: Mutiny and Unrest in the Roman Military, 44 B.C.–A.D. 68. Diss. Chapel Hill, 2003. P. 71–72.

воинской сходке принятые ими постановления, солдаты в знак одобрения запели военную песню (ἑταίωσαν). Аммиан сообщает о такой специфически военной реакции на ораторское выступление, как производимый оружием шум. Если удары щитами по наколенникам служили знаком полного одобрения сказанного, то удары копьем о щит, напротив, выражали гнев и скорбь войска⁵⁰. Это интереснейшее свидетельство Аммиана, однако, практически не находит параллелей в источниках, относящихся к более раннему времени⁵¹. Имеется и указание на то, что знаком одобрения сказанного на сходке полководцем служило поднятие рук⁵².

Необходимо сказать, что реакция присутствующих на сходке солдат на полководческую речь далеко не всегда оказывалась однородной и однозначной. Нередко в описаниях сходов фигурирует активное меньшинство, задающее тон всему собранию или даже навязывающее свою волю остальным воинам (например, *Tac. Hist.* III. 13). Об этом достаточно красноречиво свидетельствует пассаж из «Анналов» Тацита, передающий размышления Германика о том, как лучше узнать настроения войска. Германик отвергает в качестве одного из вариантов воинскую сходку, поскольку «если он созовет легионы на

⁵⁰ *Amm.* XV. 8. 15: ... militares omnes horrendo fragore scuta genibus illidentes (quod est propter indicium plenum; nam contra, cum hastis clipei feriuntur, irae documentum est et doloris)... Ср. XX. 5. 8, где, наоборот, удары копий о щиты названы знаком одобрения. Ср. также XXI. 5. 9 (scutorum fragore), XXIV. 3. 8 и XXVII. 6. 10. Одни современные комментаторы считают процитированный пассаж от слов nam contra до et doloris глоссой, другие видят в противоречивости сведений из разных книг следствие невнимательности автора. См.: *Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem Kommentar* vers. von W. Seyfart. Erster Teil. B., 1970. S. 254. Anm. 145. Ср. также XXI. 13. 16, где говорится о том, что в ответ на речь императора Констанция, обвинившего Юлиана в узурпации, солдаты, выражая свое расположение и преданность первому и гневаясь на второго, потрясали копьями (hastasque vibrantes).

⁵¹ Можно сослаться, пожалуй, только на два свидетельства, которые, впрочем, не относятся непосредственно к сходке. Плутарх рассказывает, что, когда Г. Марий после победы у Секстиевых Вод, совершал жертвоприношение и готовился в присутствии вооруженных увенчанных воинов поджечь сложенные в кучу трофеи, примчались гонцы с сообщением об избрании Мария в пятый раз консулом и воины излили свой восторг в рукоплесканиях и бряцании оружием (*Plut.* С. Mar. 22). Согласно Полиэну, когда во время парфянского похода Красса римское войско отступало по горным дорогам, от командующего парфянами прибыл посол с предложением мира, и Красса, заподозрившего хитрость и не желавшего принять это предложение, поверить варварам принудили, бряцая оружием, воины (*Polyaen.* VII. 41).

⁵² *Lucan.* Phars. I. 386–388: His cunctae simul adsensere cohortes

Elatasque alte, quaecumque ad bella vocaret,
Promisere manus.

(«На эти слова [центуриона Лэлия] откликнулись дружно когорты: Подняв руки, они обещали всюду, куда бы он ни призвал, сопутствовать в битвах»). Как видно из этого и других эпизодов, сходка могла поручить своему представителю выразить общее мнение солдат (*Caes.* BC. I. 20. 4; *Liv.* VII. 12. 14; 13. 3; *Tac.* Ann. I. 26. 1).

сходку, то что на ней скажут немногие первые, то и будет подхвачено остальными» (пер. А.С. Бобовича)⁵³. В качестве таких «активистов» выступают трибуны и центурионы⁵⁴, а также наиболее заслуженные представители каждого звания (*honestissimi sui generis* – *Caes. BC. I. 20. 1*); причем иногда это могли быть подкупленные лица (*Amm. XXVI. 2. 3-4: pauci corrupti, emercati*). Важно, однако, что войско, собравшись по собственному почину, могло активно воспротивиться навязанному решению, как это сделали, например, вителлианцы, которых их военачальник склонил сначала присягнуть Веспасиану (*Dio LXIV. 10. 3-4*), либо же высказать собственное предложение (*Amm. XXVI. 2. 3-4*). Неудивительно, что в тех случаях, когда мнение и решение солдат приобретали первостепенное политическое значение, как это было при провозглашении императором одного или другого претендента, для того, чтобы добиться необходимого результата, еще до созыва сходки большую роль играла предварительная «агитационная работа», которая могла чаще всего проводиться военачальниками, вызывавшими к себе для беседы командиров и отдельных наиболее верных воинов (*οἱ τῶν στρατιωτῶν ἐξέχοντες* – *Herod. II. 7. 7*), либо офицерами, собиравшими для разъяснения отдельные отряды⁵⁵. Иногда и сами воины в своем кругу обсуждали положение дел⁵⁶. Сильное непосредственное влияние младшего и среднего офицерства на формирование политических настроений и предпочтений солдат с полным на то основанием отмечается исследователями⁵⁷. После соответствующей подготовки можно было рассчитывать на необходимую в той или иной ситуации реакцию солдат (*Tac. Hist. II. 74. 1*). Надо добавить, что на самой сходке реакция (заранее подготовленная или

⁵³ *Tac. Ann. II. 12. 3: si contio vocetur, illic quoque quae pauci incipiant reliquos adstrepere*. Тот же Тацит, говоря о реакции сходки на речь Гальбы по случаю усыновления Пизона, констатирует, что слова императора с одобрением встретили лишь офицеры и солдаты, стоявшие в передних рядах, остальные же стояли молчаливые и мрачные (*Hist. I. 18. 4*).

⁵⁴ Примечательно, что преторианцы при провозглашении Отона императором не подпускали трибунов и центурионов к трибуналу, на который подняли своего кандидата (*Tac. Hist. I. 36. 2*).

⁵⁵ *App. Mithr. 59; Amm. XV. 5. 16; XXVII. 6. 5; HA. Prob. 10. 3-4; Zosim. II. 40. 2; 47. 2*

⁵⁶ *App. BC. IV. 123; Tac. Ann. I. 16; Jos. Ant. Iud. XIX. 2. 1*

⁵⁷ См., например: Глушанин Е. П. Позднеримский военный мятеж и узурпация в первой половине IV в. // Вопросы политологии. Вып. 2. Барнаул, 2001. С. 126 слл.; *De Blois L. Sueton, Aug. 46 und die Manipulation des mittlerem Militärkadres als politischen Instrument // Historia. 1994. Bd. 43. Hf. 3. S. 324-345; idem. Army and Society in the Late Roman Republic: Professionalism and the Role of Military Middle Cadre // Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit. Gedenkschrift für Erick Birley / G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck (Hrsg.). Stuttgart, 2000. P. 11-324; idem. Army and General in the Late Roman Republic // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxford, 2007. P. 164-180.*

спонтанная) стоявших в передних рядах офицеров и солдат⁵⁸ играла определяющую роль еще и потому, что при отсутствии звукоусилительной техники именно они (а часто только они) могли в полном объеме слышать речь, произносимую в столь многочисленном собрании, каким была сходка даже с участием одного-двух легионов. Сколь бы сильным голосом ни обладал полководец, выступавший с трибунала, вряд ли слова его внятно звучали для всей многотысячной толпы, размещавшейся на достаточно большом пространстве под открытым небом. Однако само по себе это обстоятельство отнюдь не делало *adlocutio* на воинской сходке напрасным, чисто формальным актом, так же как отсутствие средств усиления звука не препятствовало произнесению речей и дебатам на народных собраниях в античных республиках⁵⁹.

Таким образом, можно констатировать существенные отличия воинских сходок от гражданских как с точки зрения общего порядка проведения и состава участников, так и с точки зрения функций. Что касается первого, то *contio militum*, как правило, организовывалась как особая *военная* церемония, что подчеркивалось построением по подразделениям и рангам, при оружии, наличием военных символов (*signa militaria*, *imagines*, свита командующего и т. д.). Вооруженные легионеры, привыкшие к дисциплине и субординации, ориентировавшиеся в значительной мере на мнение и авторитет своих командиров, разумеется, мало походили на те *plebs contionalis* и *turba forensis*, которые собирались на сходки в Риме и состояли в значительной степени из лавочников и ремесленников⁶⁰. Правда, в отдельных случаях, в ситуации мятежа, воины могли выйти далеко за рамки дисциплины и применить насилие по отношению к командующим. Наряду с традиционным шумом и возгласами, реакция солдат находила свое выражение и в других действиях, в том числе и сугубо военных по своему характеру (шум, создаваемый оружием, боевой клич, заявление о требованиях через своих представителей). Очень важно, что оратором, обращающимся к сходке воинов, обычно был командующий, который располагал обширной властью, но в то же время был связан с подчиненными отношениями личной преданности. Однако его обще-

⁵⁸ Можно предположить также, что на характер этой реакции могло определенным образом влиять поведение той свиты из высших чинов, которая вместе с полководцем поднималась на ораторскую трибуну.

⁵⁹ Вполне возможно, что основной смысл сказанного позже передавался находившимися в передних рядах тем, кто стоял позади. Не исключено, что эту роль брали на себя офицеры. Об ораторском искусстве полководца: *Махлаюк А. В.* Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме // ВДИ. 2004. № 1. С. 31-48.

⁶⁰ *Mouritsen H.* Op. cit. P. 40 ff. Cp. *Morstein-Marx R.* Op. cit. P. 122 f.; 128 ff.

ние с собранными на сходку солдатами далеко не всегда было монологическим, но, напротив, предполагало своеобразный диалог.

В отличие от городских сходок войсковые собрания обладали более многообразными и дифференцированными функциями. Среди них можно выделить такие, как *церемониальная* и *коммуникативная*, или *информационно-агитационная*. Действительно, обращаясь к *contio* с речью, полководец (принцепс) оглашал результаты ауспий (Liv. IV. 12. 7), давал оценку действиям своих подчиненных в сражении или во время учений⁶¹, разъяснял свои замыслы и решения⁶², стремился повлиять на солдат в нужном направлении и, главное, упрочить личные связи с войском⁶³. На сходке могли зачитываться послания и обращения императора⁶⁴. В эпоху Империи, безусловно, особую значимость имело личное обращение (*adlocutio*) императора к войску, организуемое как торжественная церемония⁶⁵: не случайно императорские *adlocutiones* были одной из важных тем монетной⁶⁶ и монументальной пропаганды, имевшей целью показать эти выступления как один из политических ритуалов реализации империя⁶⁷. Это важное средство морально-политического воздействия на армию акцентировало взаимную *fides* императора и войска и служило вместе с тем, особенно в критических ситуациях, для признания легитимности

⁶¹ Примером такого рода выступления является известная речь императора Адриана, сохранившаяся в надписи на памятной колонне в Ламбезисе, где он побывал в 128 г. с целью инспекции войск и лично участвовал в проводившихся маневрах III Августова легиона (CIL VIII 2532; 18042 = ILS 2487; 9133-9135). Об этой речи см.: *Le Glay M.* Les discours d'Hadrien à Lambèse (128 apr. J.C.) // *Akten des XI. Internationalen Limeskongresses*. Budapest, 1977. P. 545–558; *Pina Polo F.* Las contiones... P. 227-228; *Campbell J. B.* Op. cit. P. 77-80.

⁶² Характерно, что оглашение распоряжений полководцем на сходке воинов Ливий обозначает термином *edicere*, который используется и для гражданских собраний (*Pina Polo F.* Las contiones... P. 213). Выступления полководцев могли касаться самых разных решений, как собственно военных, так и политических (Ibid. P. 214). Важно, что такого рода объявление принятого решения *in contione* иногда непосредственно имело значение официального акта, как объявление эдикта или рескрипта. Так, Марк Аврелий в 168 г. объявил о предоставлении привилегии ветеранам-преторианцам в делах опеки в речи на сходке в преторианском лагере (Frg. Vat. 195). Ср. *David J.-M.* Op. cit. P. 219.

⁶³ *Campbell J. B.* Op. cit. P. 87 ff.; *Pina Polo F.* Las contiones... P. 203-205.

⁶⁴ *Tac. Hist.* II. 82; III. 3; 9; IV. 24; *HA. Pesc.* Nig. 4. 2; *Ant. Diad.* 9. 3

⁶⁵ *Campbell J. B.* Op. cit. P. 71 ff.; *Bishop M. C.* On Parade: Status, Display, and Morale in the Roman army // *Akten des 14. Internationalen Limeskongress*, 1986 in Carnuntum. T. 1. Wien, 1990. P. 21–30. О выступлениях полководцев на сходках в эпоху Республики см.: *Harmand J.* L'armée et le soldat à Rome de 107 à 50 av. n. ère. P., 1967. P. 304 suiv.

⁶⁶ *Абрамзон М. Г.* Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М., 1995. С. 250 слл.

⁶⁷ *David J.-M.* Op. cit. P. 213, 222. См. также: *Sommner M.* Op. cit. S. 335 ff.

его положения со стороны солдат-граждан и *commilitones*⁶⁸. При этом важно отметить, что обращение военачальника к войску с речью всегда являлось одним из специфических римских инструментов военного руководства как такового⁶⁹. Словесное убеждение с использованием всего арсенала ораторского искусства, особых жестов и визуального ряда, а также диалога с аудиторией было важно как для политиков, выступавших на Форуме перед согражданами в эпоху Республики⁷⁰, так и для полководцев, обращавшихся с трибунала к подчиненным войскам; эта открытость коммуникации между военачальником и солдатами, очевидно, связана с тем, что армия развилась из ополчения граждан⁷¹. Тацит (*Hist. I. 36*), конечно, отдает дань характерному для римской знати предубеждению, подчеркивая, что Отон на сходке в преторианском лагере, стремясь стать владыкой, вел себя как раб, простирая руки к толпе воинов, склоняясь перед ней в почтительном поклоне, посылая воздушные поцелуи, обращаясь к отдельным солдатам лично⁷². Но подобные приемы применялись и в речах политических ораторов перед народом в Риме⁷³. Примечательно, что в рассказе об этом эпизоде, отмечая шум и крики во время сходки, Тацит использует характерную сентенцию: «Когда так шумит толпа, состоящая из граждан и черни, ее крики не выражают ничего, кроме слабости и раболепия»⁷⁴, однако подчеркивает, что здесь дело обстояло иначе: именно рядовые воины выступали как главные протагонисты всего действия.

Отметим также, что на сходке проводились награждение и публичное восхваление (*laudationes*) отличившихся воинов и командиров, иногда вместе с выплатой жалованья (*Ios. B. Iud. V. 9. 1*), а также наказание нарушителей дисциплины или трусов⁷⁵. Интересно, что Пер-

⁶⁸ David J.-M. Op. cit. P. 213, 216; Flaig E. Den Kaiser herausfordern... S. 132, 161; Sommer M. Op. cit. S. 350 f.

⁶⁹ Moore R. L. The Art of Command: The Roman Army General and His Troops, 135 BC – 138 AD. Diss. Michigan, 2002. P. 20 ff., 190; Махлаюк А.В. Роль ораторского искусства полководца...

⁷⁰ Millar F. Rome, the Greek World, and the East. The Roman Republic and the Augustan Revolution. Vol. I. Chapel Hill; L., 2002. P. 180 (= *Idem*. Popular Politics at Rome in the Late Republic // I. Malkin and Z. W. Rubensohn (Eds.). Leaders and Masses in the Roman World: Studies in Honor of Zvi Yavetz. Leiden, 1995. P. 91-113.). См. также: *Ibid.* P. 143-161 (= *Idem*. Politics, Persuasion, and the People before the Social War (150–90 B.C.) // JRS. 1986. Vol. 76)

⁷¹ Moore R. L. Op. cit. P. 227.

⁷² nec deerat Otho protendens manus adorare vulgum, iacere oscula et omnia serviliter pro dominatione.

⁷³ См.: Flaig E. Ritualisierte Politik... S. 116-122.

⁷⁴ ... non tamquam in populo ac plebe, variis segni adulatione vocibus.

⁷⁵ Kromayer J., Veith G. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928. S. 416; Rossi L. Hasta pura. L'objet et la cérémonie du donum militiae dans

тинакс был удостоен Марком Аврелием такой *laudatio* и на солдатской сходке, и в сенате (НА. Pert. 3. 9). Кроме того, существовал обычай обращения полководца к войску по случаю вступления в должность командующего, а также по случаю завершения кампании⁷⁶. Именно на сходке воины приносили присягу: и клятву верности своему вождю во время гражданских войн, и ежегодно возобновляемую присягу правящему принцепсу, и присягу вновь провозглашенному императору⁷⁷.

Вполне вероятно, что именно на сходках солдатами избирались те посланники, которые в условиях гражданской войны или иных особых ситуаций направлялись в другие воинские части для переговоров и выработки совместных решений. Эта примечательная традиция, свидетельствующая о сознательной политической активности войска, зафиксирована в многочисленных сообщениях, относящихся и к позднереспубликанскому, и императорскому времени⁷⁸. Так, войско Брута, узнав о его смерти в битве при Филиппах, отправило послов к Антонию и Октавиану, чтобы добиться прощения (*App.* BC. IV. 135). Г. Кассий в письме сообщает Цицерону, что солдаты Басса, отказавшегося передать легион Кассию, прислали к нему послов вопреки воле своего командира, чтобы договориться о переходе на сторону республиканцев (*Cic. Fam.* XII. 12. 3). По свидетельству Тацита (*Hist.* II. 8), в 69 г. от имени сирийской армии в Рим к преторианцам был отправлен центурион Сизенна, который вез им изображение переплетенных правых рук – символ мира и согласия. Светоний упоминает о том, что легионы Верхней Германии, отказавшись присягать Гальбе, решили отправить послов к преторианцам с предложением, чтобы те сами выбрали императора, который был бы угоден всем войскам (*Suet. Galba.* 16. 2).

Посольства войска могли быть направлены и в сенат, и к императору. Октавиан в 43 г. до н.э., требуя у сената консульской власти от имени войска, направил в Рим посольство, во главе которого был центурион⁷⁹. Из рассказа Тацита о мятеже паннонских легионов известно не только о возможности направления таких послов от одного

l'iconographie célébrative de la colonne Trajane // RA. 1985. N 2. P. 231-236; Pina Polo F. Las contiones... P. 206-208; 209-210.

⁷⁶ Pina Polo F. Las contiones... P. 211 sg.

⁷⁷ О воинской присяге см.: Vendrand-Voyer J. Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983. P. 36 et suiv.; Campbell J. B. Op. cit. P. 22 ff.; Herrmann P. Der römische Kaisereich. Untersuchungen zu seiner Herkunft und Entwicklung. Göttingen, 1968. S. 113 ff.; Stäcker J. Princeps und miles: Studien zum Bindungs- und Nachverhältnis von Kaiser und Soldat im 1. und 2. Jahrhundert n. Chr. Hildesheim, 2003. S. 293–307.

⁷⁸ Cp. Pabst A. Op. cit. S. 183 und Anm. 305 (S. 297).

⁷⁹ *Suet.* Aug. 26. 1; *App.* BC. III. 88; *Dio* XLVI. 43 1 sqq.

войска к другому (ср. в Ann. I. 22. 1 заявление мятежника Вибулена о том, что его брат был послан от германского войска для обсуждения общих вопросов), но и об избрании сходкой своих посланников к императору (Ann. I. 19. 3–4). По сообщению Диона Кассия (LXXII. 9. 2^a–4), войска в Британии, наказанные за попытку мятежа Пертинаксом, выбрали делегацию в 1500 воинов и направили ее в Рим к императору Коммоду, который принял их и выдал им префекта претория Перенния, так как «не дерзнул отнестись с презрением к полутора тысячам воинов, хотя имел более многочисленных, чем они, преторианцев». Особенно интересно сообщение Лактанция (De mort. pers. 19. 1), согласно которому на церемонию отречения Диоклетиана и утверждения новых императоров в Никомедию официально прибыли «лучшие из воинов, избранные и отозванные из легионов» (*primores militum electi et acciti ex legionibus*). Его можно сопоставить со свидетельством Тацита (Hist. II. 81. 3) о том, что на совещание сторонников Веспасиана в Берите прибыли не только высокопоставленные командиры, но и прославленные центурионы и воины, а кроме того, отборных представителей прислало иудейское войско. Отметим и свидетельство Евсевия (Vita Const. IV. 68) о том, что после смерти Константина Великого войска, находящиеся в разных частях Империи, единодушно решили никого не признавать августами, кроме детей Константина, и договорились они об этом посредством писем⁸⁰.

В некоторых ситуациях сходка могла высказывать свою волю в вопросах, относившихся к компетенции высшего командования, народного собрания или самого императора, т.е. брать на себя функцию, которую в широком смысле можно назвать *потестарно-политической*. Есть немало примеров, когда *contio* выступает как своего рода судебная инстанция, которая решает даже судьбу высокопоставленных лиц, в том числе и своих командиров⁸¹. Так, в начале гражданской войны между Цезарем и Помпеем солдаты из гарнизона Корфиния отстранили от командования Домиция, который задумал бежать, и заключили его под стражу (*Caes.* BC. I. 20). В ответ на выступление Клавдия в лагере преторианцев после «разоблачения» Мессалины когорты потребовали подвергнуть виновных наказанию (*Tac.* Ann. XI. 35). После убийства Домициана солдаты добились выдачи им для расправы виновников его смерти (*Suet.* Dom. 23). На одной из сходок солдаты-вителлианцы потребовали казнить галльских вождей, воевавших на стороне Виндекса (*Tac.* Hist. II. 94; ср. I. 58: Вителлий вынужден был удовлетворить большинство требований солдат о

⁸⁰ οἱ μὲν οὖν ταῦτ' ἔπραττον, τὰς οἰκείας ψήφους τε καὶ φωνὰς διὰ γραφῆς ἀλλήλοις διαγγέλοντες.

⁸¹ Ср. Sander E. Das römische Militärstrafrecht // RhM. 1960. Bd. 103. S. 303–304.

смертной казни наиболее ненавистных командиров), а солдаты Септимия Севера объявили Альбина врагом государства (*Herod.* III. 6. 2: πολέμιον ἀνιψόρευσεν; ср. *Dio* LXXV. 10). Сходка могла даже стать органом, карающим зачинщиков мятежа из собственных рядов, как это произошло во время солдатских волнений 14 г. н.э. в Германии (Апп. I. 44. 2 sqq. Ср. *Amm.* XXIX. 5. 22). В этом же эпизоде сходка определяла и судьбу центурионов: достойны ли они оставаться в своем звании.

Следует, далее, обратить внимание на тот факт, что от лица воинского коллектива, выразившего свою волю, вероятнее всего, именно на сходке, могли исходить либо ходатайства о повышениях в чинах, назначении на командные должности и о награждениях, либо даже непосредственное предоставление этих почестей тем или иным лицам, что в обычных условиях являлось прерогативой командующего или самого императора. Такие назначения имели место не только во время мятежей и переворотов⁸², но, судя по надписям, и в ходе обычной службы. Например, в посвящении Фортуне Августа (231 г.) Флавий Домиций Валериан указал, что стал центурионом по рекомендации легиона: (*centurio*) *legionarius factus at suffragium leg(ionis)* XIII Geminae (AE. 1978, 540). Аналогичная формула употреблена в эпитафии М. Петрония Фортуната (вероятно, время Септимия Севера). Он провел на службе 50 лет, из них первые четыре года в I Итальянском легионе, сначала либриарием, тессерарием, опционом, сигнифером, после чего стал центурионом *ex suffragio leg(ionis)* и служил в этом звании еще в 12 легионах (CIL VIII 217, 11302, p. 925 = ILTun. 332 = ILS 2658)⁸³.

Известно несколько эпиграфических свидетельств и о даровании наград или подарков от имени либо по прямому решению сослуживцев. Остается, однако, не совсем ясным, можно ли считать эти награды неофициальными или же войско обладало законным правом их присуждать⁸⁴. Кроме того, войско могло даровать различные почести и своему военачальнику. Сулла во время Союзнической войны был почтен наградой со стороны войска (*Plin.* NH. XXII. 6. 12). После

⁸² По сообщению Тацита (*Hist.* III. 49), военачальник Веспасиана Антоний Прим после победы под Кремоной разрешил солдатам самим выбирать себе центурионов на место погибших. Это решение мотивируется Тацитом стремлением Прима через разложение армии добиться власти. Ср. также - *HA.* Did. Iul. 3. 1: Дидий Юлиан по ходатайству преторианцев (*suffragio praetorianorum*) назначил даже префектов претория.

⁸³ Об избрании центурионов по рекомендации легионов см.: *Birley E. Promotions and Transfers in the Roman army 2. The Centurionate // Carnuntum Jahrbuch. 1963-1964. Bht. 21. P. 22 ff.; Le Bohec Y. La IIIe légion Auguste. P., 1989. P. 177. Not. 224-225.*

⁸⁴ *Maxfield V. A. Military Decorations of the Roman Army. L., 1981. P. 120.* Подробнее см.: *Махлаук А. В. Солдаты Римской империи... С. 217-219.*

Фарсальской битвы первую и вторую награды получил Цезарь, признанный всеми наиболее отличившимся, а вместе с ним и X легион (App. BC. II. 82). По описанию Аппиана, в триумфальной процессии среди прочего несут венки, которыми наградили полководца за доблесть или города, или союзники, или *подчиненные ему войска* (Lib. 66). О существовании подобной практики в императорскую эпоху есть лишь косвенные свидетельства (ср. Herod. III. 6. 4: слова Септимия Севера о том, что он и Альбин получают почести от воинов). Вероятно, подобный обычай в период Империи сошел на нет, так же как и обычай присвоения войском почетного титула императора победоносному полководцу. Если Август еще позволял некоторым военачальникам получать этот титул, то при Тиберии он был присвоен в последний раз (Tac. Ann. III. 74), и императорская аккламация была окончательно монополизирована принцепсами⁸⁵, как и сам титул «император», который в 29 г. до н.э. Октавиан получил по специальному сенатскому постановлению в качестве постоянного *praenomen*, что означало, по сути дела, приобретение и высшей военной власти⁸⁶. В последующей истории принципата именно аккламация императора войском, которая происходила обычно на воинской сходке, становилась фактически первичным источником императорской власти⁸⁷.

С точки зрения потестарной функции очень существенно и то, что в некоторых случаях сама воинская сходка принимала клятву своего военачальника. Провозглашенный преторианцами императором, Отон дает клятву, что будет считать своим только то, что они ему оставят (Suet. Otho. 6. 3). Песценний Нигер, демонстрируя свою приверженность солдатскому образу жизни и заботу о воинах, поклялся на сходке, что в походах будет вести себя как простой воин, следуя примеру Мария и ему подобных полководцев (HA. Pesc. Nig. 11. 3). Диоклетиан принес на сходке солдат клятву, что не знал о гибели Нумериана (Aur. Vict. Caes. 39. 14).

В целом же, сам факт, что войско могло инициировать назначение на тот или другой пост и рекомендовать к награждению (либо же

⁸⁵ Combès R. Imperator. (Recherches sur l'emploi et la signification du titre d'imperator dans la Rome républicaine). P., 1966. P. 155 et suiv.

⁸⁶ MacFayden D. The History of the Title Imperator under the Roman Empire. Chicago, 1920. P. 28 ff.; 44 ff.; Nesselhauf H. Von der feldherrlichen Gewalt des römischen Kaisers // Klio. 1937. Bd. 30. N. F. 12. S. 315 ff.; Raaflaub K. Die Militärreformen des Augustus und die politische Problematik des frühen Prinzipats // Saeculum Augustum. I. Herrschaft und Gesellschaft / Hg. von Binder G. Darmstadt, 1987. S. 260.

⁸⁷ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. Bd. II. 2. Leipzig, 1871. S. 867 f.; Straub J. Vom Herrscherideal in der Spätantike. Stuttgart, 1939. S. 15; idem. Kaiser und Heer in spätrömischer Zeit // Geistige Arbeit. 1938. Nr. 10. S. 8; Timpe O. Untersuchungen zu Kontinuität des frühen Prinzipats. Wiesbaden, 1962. S. 63.

непосредственно награждать отдельных солдат и военачальников), даровать или санкционировать различные почести⁸⁸, с достаточной очевидностью свидетельствует о важной роли легионеров как римских граждан, сохранявших *ius suffragii*⁸⁹. Вполне очевидно, именно эти традиции позволяли воинской сходке в ряде случаев конституироваться в качестве органа самоуправления, а армии – не только становиться одним из непосредственных источников верховной власти, наряду с народом и сенатом, но и выступать в качестве ведущей «конституционной силы», хранильницы легитимности власти⁹⁰. Можно сказать, что политическая культура легионеров, предполагавшая их активную роль, находила свое концентрированное выражение именно на сходке⁹¹.

Соответствующие традиции, позволявшие войску брать на себя роль комиций и наделять империем своих избранников, очевидно, основывались на прецедентах времен ранней и средней Республики⁹². Подобного рода эпизоды, очевидно, можно трактовать как проявление древней традиции самоуправления, которая была присуща римской армии⁹³. Разумеется, нельзя не учитывать экстремальность ситуаций, в которых были возможны и необходимы такие действия, равно как и негативную, осудительную реакцию властей в Риме. Но если встать на точку зрения тех солдат, которые предпринимали подобные шаги, то можно, наверное, предположить, что сами легионеры

⁸⁸ В том числе и дарование прав римского гражданства: так, Помпей даровал эти права митиленцу Теофану, историку, описывавшему его деяния, именно на воинской сходке (*Val. Max.* VIII. 14. 3; ср. *Cic.* *Pro Arch.* 24). Ср. *Pina Polo F.* *Las contiones...* P. 208-209. Очевидно, также на сходке (*in castris*) было даровано Помпеем Страбоном гражданство отряду испанских всадников (*turma Salluitana*) во время Союзнической войны: [C]n. Pompeius Se[x. f. imperator] *virtutis causa* | *equites Hispanos ceives* [Romanos fecit in castr]eis apud Asculum a(n)te d(iem) XIV K(alendas) Dec(embres) | ex lege Iulia (ILLRP, 515 = CIL VI 37045 = CIL I² 709 = ILS 8888).

⁸⁹ *Le Bohec Y.* *L'armée romaine sous le Haut-Empire.* P., 1989. P. 58. Ср. *Nicolet C.* *Le métier de citoyen dans la Rome républicaine.* P., 1976. P. 144.

⁹⁰ Глушанин Е. П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация в IV в. // Актуальные вопросы истории, историографии и международных отношений. Сб. науч. ст. Барнаул, 1996. С. 31.

⁹¹ *Rowe G.* *Op. cit.* P. 172.

⁹² К соответствующим эпизодам можно отнести следующие: вручение власти мятежными солдатами патрицию Титу Квинкцию в 342 г. до н.э. (*Liv.* VII. 39-40; ср. *Dionys.* XV. 3; *Zon.* VII. 25. 9); наделение пропреторской властью всадника Л. Марция после разгрома и гибели обоих Сципионов в Испании в 211 г. до н.э. (*Liv.* XXV. 37; XXVI. 2. 1; *Val. Max.* II. 7. 15); выборы мятежными легионами в Сукроне своих предводителей из числа рядовых солдат в 206 г. до н.э. (*App.* *Iber.* 34; *Liv.* XXVIII. 24. 12 sqq.; *Zon.* IX. 10). Подробный разбор см.: *Махлаюк А. В.* *Солдаты Римской империи...* С. 221-223. Ср. *Pabst A.* *Op. cit.* S. 54 ff.

⁹³ *MacMullen R.* *Op. cit.* P. 455.

считали себя вправе не только заявлять о своих требованиях, но и использовать для их отстаивания свои гражданские политические права. Во времена Республики действительно «лагерь и форум часто сливались друг с другом»⁹⁴, и сходка воинов брала на себя не только избирательные функции, но и законодательные, подобно тому, как это было в 357 г. до н.э., когда консул Гней Манлий созвал трибунное собрание в лагере под Сутрием и провел закон об уплате двадцатины за отпуск рабов на волю (правда, этот прецедент вызвал реакцию народных трибунов, которые запретили впредь под страхом смертной казни созывать народ на собрания вне Города, чтобы воины, присягнувшие консулу, не проголосовали за что-либо гибельное для народа – *Liv.* VII. 16. 7-8). В условиях же гражданских войн, по замечанию Аппиана (BC. III. 43), легионы фактически распоряжались властью и считали себя вправе требовать отчета у своих вождей⁹⁵, которые и сами фактически признавали, что обязаны своими властными полномочиями именно войску (*Caes.* BC. II. 32. 4; *App.* BC. III. 65).

В период Империи право войска выбирать и смещать императоров не только реализуется *de facto*, но и признается почти официально. Таков, во всяком случае, смысл некоторых высказываний античных авторов. Марк Аврелий в речи, обращенной к солдатам в связи с попыткой восстания Авидия Кассия, говорит об их праве рассудить вместе с сенатом, кому должна принадлежать власть⁹⁶. На деле же сенату в большинстве случаев оставалось только подтвердить решение воинов. Как пишет Тацит в рассказе о провозглашении Нерона императором в лагере преторианцев, «за решением воинов последовало постановление сената»: *sententiam militum secuta patrum consulta* (Ann. XII. 69. 2). Гальбу провозгласили императором сначала войско, а затем народ и сенат (*Plut.* Galba. 7. 2). Император Клавдий II, по словам Евтропия (IX. 11. 1), был выбран воинами и провозглашен сенатом Августом. В речи императора Тацита, обращенной к воинам после его провозглашения правителем, констатируется, что, в отличие от Траяна, который был избран одним человеком (имеется в виду Нерва), его, Тацита, сочли достойным императорского звания сначала воины,

⁹⁴ Буассье Г. Оппозиция при Цезарях / Пер. с фр. // Он же. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 2. СПб., 1993. С. 22.

⁹⁵ Впрочем, в определенных ситуациях такого рода требования выдвигались воинами и в период ранней Республики, как, например, в 295 г. до н.э. во время Самнитской войны, когда, по сообщению Ливия (X. 19. 1 sqq.), легионы энергично вмешались в споры консулов Луция Волумния и Аппия Клавдия, потребовав от них на сходке прекратить распри, вредящие общему делу.

⁹⁶ *Dio.* LXXI. 24. 3: ...ἐβούλομεν... προσκαλέσασθαι τὸν Κάσσιον καὶ δικαιολογήσασθαι πρὸς αὐτὸν παρ' ὑμῖν ἢ παρὰ τῇ γερούσιᾳ...

умеющие оценивать государей, а потом уже сенат⁹⁷. Плиний Младший (Ран. 9. 2) как на невероятный факт указывает на то, что Траян был провозглашен императором не войском (*imperatorem non ab exercitu factum*), которым он командовал, а получил этот титул в Риме от Нервы. Этот пассаж может свидетельствовать, что уже на рубеже I–II вв. н.э. именно войско рассматривалась в качестве главного источника власти императора, подобно тому, как это было и в эпоху гражданских войн⁹⁸. Примечательно в этом плане, что Авидий Кассий в письме к гражданам Александрии после захвата власти указывал, что императором его избрали «благороднейшие воины»⁹⁹.

В высшей степени характерна и показательна в этом плане используемая античными авторами (преимущественно поздними) терминология, которая вполне определенно свидетельствует о признании за войсковыми собраниями – если не в строго юридическом, то в идеологическом смысле – законных правомочий электорального органа¹⁰⁰. Применительно к провозглашению претендента императором используются такие глаголы, как *eligere, creare, facere, declarare, pronuntiare, nuncupare, appellare*, χειροτονεῖν, ψηφίζεσθαι, φέρειν τὰς ψήφους, а соответствующие акции воинов, имеющие место во время *contiones, comitia, ἐκκλησία* обозначаются как *suffragium, concilium, ψήφος*. Судя по всему, *contiones militum* (во многом благодаря той древней традиции императорской аккламации как выражения почтения победоносному военачальнику со стороны войска¹⁰¹) фактически сливаются и отождествляются с *comitia imperii*, приобретая, в отличие от гражданских сходок, выборные полномочия¹⁰². Важно при этом, что во многих случаях там, где речь идет о решении воинов, провозглашающих императора, указывается на его принятие и одобрение всем войском, путем консенсуса: *consensus omnium militum, ab universo exercitus acceptus, а cunctis militibus, ψηφῶ πάντων*, и войсковые

⁹⁷ ...at me, sanctissimi commilitones, primum vos, qui scitis principes adprobare, deinde amplissimus senatus dignum hoc nomine iudicavit (НА. Тас. 8. 5).

⁹⁸ Ср. *App.* BC. III. 75: ἡ ἀρχὴ ὑπὸ τοῦ στρατοῦ δεδομένη.

⁹⁹ SB 10295, lin. 6–8: κεχε[ι]ροτονη[μένος] μὲν αὐτοκράτωρ ὑπὸ τῶν γενοαιότατ[ων] στρατῶν. Об атрибуции этого текста как послания Авидия Кассия: *Bowman A.K. A Letter of Avidius Cassius? // JRS. 1970. Vol. 60. P. 20–26.*

¹⁰⁰ Тщательный анализ этой терминологии предпринят А. Пабст (*Pabst A. Op. cit. S. 37–45*, с указанием источников).

¹⁰¹ Об истории и содержании церемонии *appellatio imperatoris* см.: *Rosenberg A. Imperator // RE. Bd. IX. 1 (1914). Sp. 1140 ff.; Kienast D. Imperator // Idem. Kleine Schriften. Aalen. 1994. S. 247–268; Combès R. Op. cit. P. 86 suiv.; Deiniger J. Von den Republik zur Monarchie: Die Ursprünge der Herrschertitulatur des Prinzipats // ANRW. Bd. I. 1 (1972). S. 984 ff.*

¹⁰² *Pabst A. Op. cit. S. 44, 54 ff., 61 ff., 155 ff., 189, 198 f.*

comitia выступают, таким образом, как представительное собрание всех римлян¹⁰³.

Более того, ряд выражений, используемых в источниках, явным образом указывает на то, что армия фактически становится третьим, почти официальным элементом формулы *senatus populusque Romanus*¹⁰⁴. Так, еще Тиберий, говоря в завещании о своих родственниках, указал на Клавдия «войскам, сенату и народу римскому» (*Suet. Claud. 6. 2*). В биографии Коммода сообщается, что, когда после Маркоманнской войны он прибыл в Рим, было провозглашено, что он отдан навсегда под охрану войска и сената в Коммодовом дворце: *datus in perpetuum ab exercitu et senatu in domo Palatina Commodiana conservandus* (*HA. Comm. 12. 7*). Интересно, что здесь армия упоминается первой, перед сенатом – значительная перемена по сравнению с традиционной формулой *Senatus Populusque Romanus*¹⁰⁵. В императорских биографиях войско также нередко оказывается первичной по сравнению с сенатом инстанцией (например, *HA. Gord. tres. 22. 2 sqq.*; *Тас. 7. 3; 8. 5*); а в биографии императора Тацита, избранного сенатом, в одной из речей сказано, что сенат выполнил указание и волю армии (*HA. Тас. 8. 4*). В той же биографии в рассказе о шестимесячном отсутствии императора после гибели Аврелиана констатируется: совместно правили *senatus et milites populusque Romanus* (*HA. Тас. 2. 2*). У Геродиана император Максим в обращении к воинам вообще умалчивает о сенате и подчеркивает, что власть является общим достоянием римского народа, а императорам вместе с воинами вручено управление и распоряжением государственными делами (*Herod. VIII. 7. 5*; ср. *HA. Diad. Ant. 2. 2*). В кризисном III веке армия во многих случаях вообще обходится без санкции сената, провозглашая императорами своих ставленников¹⁰⁶. Начало этому было положено Максиминем Фракийцем, которого, по словам автора его биографии, войско впер-

¹⁰³ *Pabst A.* Op. cit. S. 24-25, с указанием источников.

¹⁰⁴ См.: *Ibid.* S. 26-32. К. Андо, ссылаясь на два пассажа из «Анналов» Тацита (I. 7. 1 и XI. 30. 2), пишет, что контраст между республикой и принципатом наиболее грубым и вместе с тем элегантно отмечен Тацитом, который ставит на место прежнего формального SPQR... новое сильное выражение *Senatus milesque et populus* (*Ando C. The Army and the Urban Elite: A Competition for Power // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxford, 2007. P. 366*).

¹⁰⁵ *Speidel M. P.* Commodus the God-emperor and the Army // *JRS.* 1993. Vol. 83. P. 113.

¹⁰⁶ *Сергеев И. П.* Римская империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории. Харьков, 1999. С. 67 и сл.; 79; 95; *Hartmann F.* Herrscherwechsel und Reichskrise. Untersuchungen zu den Ursachen und Konsequenzen der Herrscherwechsel im Imperium Romanum der Soldatenkaiserzeit (3. Jahrhundert n. Chr.). Frankfurt a. M.; Bern, 1982. S. 75 ff.; 119 ff.

вые провозгласило Августом без декрета сената¹⁰⁷. В связи с этим стоит, вслед за А. Пабст, отметить, что в поздней античности, когда забота о военных делах и армии действительно стала первостепенной задачей императора, и претенденты на престол выдвигались преимущественно из военной среды, *imperium* начал рассматриваться как высший военный ранг, и решения войсковых собраний представляли собой своеобразную экспертизу, оценивавшую военные качества избираемого императора¹⁰⁸. Вместе с тем, акцент на военном компоненте власти принцепса и его функциях верховного командующего можно рассматривать и как наследие республиканских представлений о роли высших магистратов¹⁰⁹.

При этом воины не только провозглашают нового императора, но также фактически санкционируют усыновление и назначение наследника, подобно тому, как в древности это происходило при процедуре *adrogatio* в куриатных комициях, *comitia calata* (Gai. I. 98; II. 101; Gell. V. 19. 9). Именно перед воинской сходкой произвел усыновления Пизона Гальба (Suet. Galba. 17; Tac. Hist. I. 17–18). Клавдий и Вителлий демонстрируют своих родившихся сыновей воинам на сходках, при этом последний назвал младенца Германиком и облек всеми знаками императорского достоинства (Suet. Claud. 27. 2; Tac. Hist. II. 59). Если верить биографии Септимия Севера, именно на воинской сходке его старший сын Каракалла был провозглашен соправителем отца, а младший Гета – Цезарем¹¹⁰. Макрин после убийства Каракаллы, чтобы успокоить воинов, недовольных этим, на сходке назвал своего малолетнего сына Антонином (HA. Diad. Ant. 1. 3). Кроме того, войска в некоторых случаях иницируют либо прямо декретируют обожествление умерших правителей¹¹¹, а в эпоху тетрархии принимают отречение императоров от власти (Lact. De mor. pers. 19. 1). Более того, судя по словам Констанция в речи, приводимой Аммианом, император мог обратиться к войсковому собранию за одобрением решения заключить мир с неприятелем (XV. 10. 14). Иначе говоря, и в этих важнейших прерогативах войско подменяет собой сенат.

¹⁰⁷ HA. Max. duo. 8. 1. Cp. Eutrop. IX. 1. 1: ex corpore militari primus ad imperium accessit sola militum voluntate, cum nulla senatus intercessit auctoritas; а также Hieron. Chron. (GCS S. 216): Maximinus primus ex corpore militari sine senatus auctoritate ab exercitu imperator electus est. Cp. также Aur. Vict. Caes. 25. 1; Oros. VII. 19. 1.

¹⁰⁸ Pabst A. Op. cit. S. 18 und Anm. 185–186 (S. 223), с указанием источников.

¹⁰⁹ Ando C. Op. cit. P. 363–364.

¹¹⁰ HA. Sev. 16. 3: filium eius Bassianum Antoninum ... participem imperii dixerunt milites. Getam quoque Caesarem dixerunt. Cp. Gal. 1. 3; Gord. 8. 3. Для IV в. ср., например: Amm. XV. 8. 4 sqq.; XXVII. 6. 4 sqq.; Pan. Lat. XII. 31. 2.

¹¹¹ XV. 8. 4 sqq.; XXVII. 6. 4 sqq.; Pan. Lat. XII. 31. 2.

Возникшая уже в период раннего принципата тенденция к отстранению сената от участия в выборе и утверждении у власти императоров и в других легитимационных решениях, таким образом, развивается в десятилетия кризиса III в. и закрепляется в эпоху домината. Кульминацией развития этих тенденций и наиболее развернутой манифестацией «конституционной» роли войска можно признать известный пассаж из панегирика, произнесенного Симмахом по случаю пятилетнего юбилея правления Валентиниана I (369 г.). Валентиниан здесь именуется *dignus imperator a dignis comitiis electus* – «достойный император, избранный достойными комициями», которого при этом как «мужа, известного военными заслугами, одобрил лагерный сенат» (*Symmach. Or. 1. 9: emeritum bellis virum castrensis senatus adscivit*). Под комициями здесь подразумевается армия, а под *castrensis senatus* – совет высших военных и гражданских чинов, тех самых, которых Аммиан именуется *potestatem civilium militiaeque rectores* (XXVI. 1. 3)¹¹². При этом войско, провозглашающее императора, характеризуется оратором как *ex omni robore Romanae pubis electus* («избранное из лучших сил римского племени»), в отличие от «отданных на откуп центурий, угодливых [цензовых] классов и продажных по большей части триб» (*redemptae saepe centuriae et gratiosae classes et tribus plerumque venales*), а за воинами признается способность выбирать вождя, ибо не праздные, а вооруженные люди должны определять, кому предпочтительнее всего доверить военное руководство (*ars est boni militis ducem nosse deligere... armati, non otiosi... cui potissimum regenda arma credantur*).

В этой фразе Симмаха исследователи не без оснований видят признание отказа сената от прав на участие в выборе императора, которые перешли к войску¹¹³, и даже считают ее выражением этого вполне конституционного принципа, утвердившегося в IV столетии и признавшего армию ведущей и самостоятельной конституционной силой¹¹⁴. Нельзя, однако, согласиться с мнением Е.П. Глушанина, что уподобление армии комициям было просто немыслимо при принципе. Из рассмотренных выше свидетельств, на наш взгляд, вполне определенно следует, что воинская сходка едва ли не на всем протяжении римской истории была институтом, который своими реальны-

¹¹² Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991. С. 67-68.

¹¹³ Straub J. Vom Herrscherideal... S. 34.

¹¹⁴ Глушанин Е.П. Ранневизантийский военный мятеж и узурпация... С. 31. Ср. Он же. Позднеримский военный мятеж и узурпация... С. 125, а также Birley A. Making Emperors. Imperial Instrument or Independent Force? // A Companion to the Roman Army / Ed. P. Erdkamp. Oxford, 2007. P. 390. Наиболее подробный анализ данного пассажа дается в работе: Pabst A. Op. cit. S. 10 ff.

ми полномочиями и внешним «антуражем» не просто имел сходства с комициями как органом власти граждан, но в некоторых ситуациях выступал в качестве их своеобразной формы и продолжения. Функции *contio militum* отнюдь не сводились к ритуалам консенсуса. Путем *suffragium militare* легионеры могли реально влиять на решение жизненно важных для себя вопросов, как профессионально-корпоративных, так и общегосударственных.

Разумеется, некоторые функции сходки, прежде всего потестарная, лежали, так сказать, вне «конституционного поля», в сфере прецедентов и обычая. Однако они основывались на полисно-республиканских традициях, которые не пресекались в эпоху Империи, хотя, очевидно, и подвергались определенным трансформациям. Среди этих традиций надо назвать характерное для римской *civitas* сочетание самых широких властных полномочий носителя империя с его ответственностью и известной зависимостью от суверенного коллектива граждан-воинов¹¹⁵. С данным фактором так или иначе должны были считаться императоры, проявляя доверие и внимание к солдатам, что было одной из традиций республиканской эпохи¹¹⁶. Очевидно, что сохранение таких традиций в армии было одним из необходимых условий ее политической активности. Важно подчеркнуть, что эти традиции, институциональным выражением которых была *contio militaris*, с особенной интенсивностью проявлялись в ситуациях кризиса, когда обычные механизмы власти были не в состоянии должным образом выполнять свои функции. Можно также сказать, что превращение республики в монархию определенным образом связано с этим институтом. В свете изложенного выше, как представляется, связь эта выглядит менее парадоксальной, чем та, на которую указывал Ф. Миллар, отметивший, что именно присущая Римской республике особенность, заключающаяся в прямом обращении к толпе с последующим ее голосованием в качестве суверенного народа, способствовала рождению монархии¹¹⁷. Таким образом, «римская де-

¹¹⁵ Ср. Ando C. Op. cit. P. 362: "... there existed an intimate connection between the people as electorate and as soldiery, and the power of magistrates over soldiers could be construed as consciously conferred by people in their one capacity over themselves in the other. This way of understanding the army had a long life under the empire – the radical changes in the composition of the legions notwithstanding..." Этот принцип сформулирован, например, у Аппиана (BC. IV. 92) в речи Кассия к воинам: «Вы, народ, во время войны во всем подчиняетесь полководцам как владыкам. Но в мирное время вы сами, в свою очередь, имеете над нами власть... вы голосуете по трибам и центуриям, вы избираете консулов, трибунов, преторов. Наряду с избранием магистратов вы решаете и важнейшие дела, наказывая или награждая нас...» (пер. Т.Н. Книпович).

¹¹⁶ Буассье Г. Указ. соч. С. 22.

¹¹⁷ Millar F. Rome, the Greek World, and the East... P. 182: "It is only a seeming paradox that it was this primitive feature of the Republic, direct addresses to the crowd followed by

мократия», развившая столь своеобразные институты, как сходки, действительно находит свое продолжение в политической системе Империи. Ясно, что ни успешно отстаивать свои профессионально-корпоративные интересы, ни выступать в качестве ведущего субъекта политики императорская армия была бы не в состоянии без наличия веками выработанных форм своего волеизъявления, как и без сохранения того представления, согласно которому римские legionеры рассматривались – и реально действовали – не как наемники, а как граждане, как вооруженный римский народ, как статусная группа Империи, претендующая на почетное положение и особые отношения с императором¹¹⁸. Legionеры оставались гражданами той обширной *Res publica*, какой была Римская империя, и, служа ей, служили и императору¹¹⁹

their voting as the sovereign People, which was to contribute so much to the emergence of monarchy”.

¹¹⁸ Этот момент признается и подчеркивается большинством исследователей. См., в частности: *Campbell J. B.* Op. cit. P. 14; *idem.* War and Society in Imperial Rome 31 BC – AD 284. L.; N. Y., 2002. P. 26; *Raaflaub K.* Op. cit. S. 287; *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern... S. 132 ff., 141–142, 164, 167; *Pabst A.* Op. cit. S. 10, 57. Показательно в этом плане, что в эпоху Принципата ни один император не был провозглашен солдатами вспомогательных войск (*Flaig E.* Den Kaiser herausfordern... S. 132).

¹¹⁹ *Flaig E.* Den Kaiser herausfordern... S. 161, 164–165. Примечательно, что в формулу воинской присяги императорского времени включалось обязательство пожертвовать жизнью *pro Romana re publica* (*Veget.* II. 5; ср. *Serv. Ad Aen.* VIII. 1). Кэмпбелл (*The Emperor and the Roman army...* P. 22; 25) высказывает предположение, что эта формулировка представляла собой попытку сохранить ту фикцию, что армия оставалась войском римского народа, и могла быть добавлена в поздний период, чтобы в условиях частой смены императоров подчеркнуть лояльность государству тех многочисленных солдат на римской службе, которые лишь номинально были связаны с Римом. Ср. примечательные слова, которые вкладывает Тацит (*Ann.* I. 31. 5) в уста мятежных солдат из германских легионов: в их руках находится римское государство, их победами оно увеличивается, их названия принимают полководцы (*sua in manu sitam rem Romanam, suis victoriis augeri rem publicam, in suum cognomentum adscisci imperatores*).